

УДК: [94 + 342. 542] (476 + 470 + 477) “1930“

Кустари и крестьяне-единоличники БРУП в конце 1930-годов (социокультурный аспект)

М. И. СТАРОВОЙТОВ

В статье на основе новых архивных данных впервые в белорусской историографии дана сравнительная социокультурная характеристика кустарей и крестьян-единоличников, показаны их абсолютная численность и доля в составе занятого населения белорусско-российско-украинского пограничья в конце 1930-х годов. Выявлена белорусская специфика в социальной структуре и уровне грамотности этих групп населения.

Ключевые слова: кустари, единоличники, грамотность, социокультурный облик.

In this article on the basis of the new archive database for the first time in Byelorussian historiography the sociocultural characteristics of handicraftsmen and self-employed farmers was given, their absolute number and fraction in the composition of byelorussian-russian-ukraine frontier was shown in the end of 1930. The Byelorussian specificity in social structure and literacy level of these groups of people was revealed.

Keywords: handicraftsmen, self-employed, literacy, sociocultural.

На протяжении XX в. крестьянский социум претерпел коренные изменения в результате аграрных реформ (от столыпинской до горбачевской). Не дала ожидаемых результатов и «нижегородская модель» радикальной аграрной реформы в постсоветской России. Объясняя причины спада сельскохозяйственного производства после ее осуществления в России в начале 1990-х годов на 30–40% (намного больше, чем при сталинской коллективизации), М.Л. Вылцан выделил, на наш взгляд, основной момент. Создается впечатление, что ««радикальных реформаторов» для сохранения “лица” вполне устроил бы не рынок сельскохозяйственных товаров..., а рынок земли» [20, с. 345]. Тогда же, обсуждая менталитет крестьян и аграрное развитие России XIX–XX вв., известный историк-аграрник Л.В. Милов сказал: «Мы – и украинцы, и русские, и белорусы, и народы Поволжья, и целый ряд других народов, на мой взгляд, составляем единый тип цивилизации. В этом едином типе цивилизации существуют одни и те же, с точки зрения общности, механизмы ментальности. Это вопрос очень важный, его можно раскрыть только в сравнительно-историческом плане, и, я думаю, что в будущем мы сможем выйти на эти проблемы» [20, с. 437].

Однако компаративистских исследований не только по аграрным и другим проблемам советского общества рассматриваемого периода в отечественной и зарубежной историографии пока не появилось, хотя белорусские, российские и украинские историки в последние годы стали проявлять определенный интерес к проблемам белорусско-российско-украинского пограничья (далее БРУП) [26]. Небольшой анализа развития кустарных промыслов в Могилевской и Черниговской губерниях в начале XX в. недавно был дан автором в небольшой публикации. Сравнительное исследование предложенной нами темы на основе архивных материалов переписи 1939 г. позволит дать более достоверную и адекватную социокультурную характеристику этим группам населения региона и, прежде всего, его белорусской составляющей (таблицы составлены и % подсчитаны автором).

Таблица 1. Занятые крестьяне и кустари в составе самостоятельного населения (%)

Занятие и отрасль	БССР		Западный район РСФСР		Полесский подрайон УССР	
	Муж.	Жен.	Муж.	Жен.	Муж.	Жен.
Сельское хозяйство	81,93	93,06	84,37	93,57	85,16	94,45
Кустарная промышленность	3,14	0,81	2,17	0,49	3,49	0,83

Форсированная индустриализация, сплошная и принудительная для большинства населения коллективизация коренным образом изменили к концу 1930-х годов социальную структуру в стране, республиках и регионах. Чтобы представить масштабы изменений, обратимся к материалам переписи 1926 г. По ее данным абсолютное большинство самодеятельного населения БРУП было занято в сельском хозяйстве. Это хорошо видно из таблицы 1 [7, с. 3; 8, с. 2; 9, с. 154], данные которой указывают на отсутствие существенных различий в показателях.

Так, доля хозяев с наемными работниками от всех занятых в сельском хозяйстве белорусской составляющей БРУП равнялась 0,8%. Столько же было батраков и батрачек. На сельхозпредприятиях работало 0,4% рабочих. Служащие составили 0,2%. Самостоятельно занимались сельским хозяйством (одиночки) 0,6%. Хозяева с членами семьи и членами артелей составили 26,7%. Абсолютное большинство дали члены семьи, помогающие в сельском хозяйстве – 70,5% [8, с. 2]. Определенная часть населения была занята в кустарном производстве. Если в кустарном производстве женщин было в 4 раза меньше мужчин, то среди помогающих членов семьи в сельском хозяйстве они примерно в два раза превышали численность мужчин. О традиционном укладе ведения сельского хозяйства свидетельствует и оставшаяся высокой доля детского труда. Наши расчеты показали, что в 1926 г. из всего самодеятельного (имеющего занятия) населения и в БССР, и в Полесском подрайоне УССР работало 2,2% детей от 7 до 10 лет и более 25% детей в возрасте 10–17 лет. От общего числа детей последней возрастной группы трудилось около 80%. Несколько меньше эти показатели были в Западном районе РСФСР: 1,2%, 22% и 75% соответственно. Примерно 95–96% это были дети сельского населения БРУП, и на 90–91% они представляли титульные этносы пограничья [8, с. 3, 16–17]. Уровень грамотности хозяев-земледельцев, работавших с членами семьи, у мужчин достиг 57,1%, тогда как у женщин он оставался очень низким – 12,4%. Среди членов семьи, помогающих в сельском хозяйстве, он был выше и составил соответственно – 79,3% и 28,5%. Более высоким оставался уровень грамотности кустарей и ремесленников в связи с тем, что здесь была значительной доля еврейского населения. Так, в БССР в 1926 г. среди всех 63 299 кустарей и ремесленников евреи составляли 65,7%, а из тех, кто использовал наемный труд, на них приходилось 78,8%. Среди хозяев-кустарей мужчин (помогающих членов семьи) грамотных было 93%, а среди женщин – 78,7%. У кустарей-хозяев, работающих с членами семьи, – соответственно 83,5% и 70% [8, с. 56–59].

Слабое развитие промышленности и преобладание в экономике сельского хозяйства являлось главной причиной отсталости БССР и соседних регионов БРУП. В союзных республиках искали выход из создавшегося положения. Например, при разработке первого пятилетнего плана Госплан БССР учитывал, что перенаселенная деревня со значительным количеством и низкой доходностью маломощных крестьянских хозяйств, невысоким качеством почв, обилием неудобных земель, ввозом хлеба для потребления, медленной оборачиваемостью и накоплением капиталов в сельском хозяйстве не позволяли рассчитывать на быстрое повышение его доходности. Повышение производительности и товарности сельского хозяйства в условиях БССР намечалось достигнуть путем рационального использования земельной площади, индустриализации, землеустройства и мелиорации, развития технических культур и животноводства, организации сети предприятий по первичной обработке сельскохозяйственной продукции, кооперирования деревенской бедноты. Как и в целом по стране, устанавливался курс на индустриализацию и повышение производительности аграрного сектора, усиление обобществления во всем народном хозяйстве [19, с. XV].

Форсированная индустриализация коренным образом изменила и положение кустарей, многие из которых разорились или пошли работать на заводы и фабрики, часть ушла в кооперацию, часть продолжали заниматься частнопредпринимательской деятельностью. Полностью эта социальная группа не исчезла. По данным переписи 1939 г., среди всего занятого населения СССР, БССР и УССР доля кооперированных кустарей составляла соответственно 2,1%, 1,8% и 1,9%, а некооперированных – 0,7%, 0,6% и 0,5% [10, с. 93; 4, л. 5, 9; 33, л. 5, 9]. Существенной разницы в этих показателях не было и в областях БРУП (см. таблицу 2). Тенденция к уменьшению некооперированных кустарей наблюдалась до середины 1930-х годов.

Так, если в 1926 г. кустарей-одиночек было 29 702 чел. [т. 27, с. 2], то на 1 марта 1935 г. некооперированных кустарей в республике насчитывалось 6,3 тыс. [34, с. 123], а в 1939 г. их было 17,6 тыс. [4, л. 5], т.е. почти в 3 раза больше.

Таблица 2. Состав населения областей БРУП, имеющего занятия в 1939 г. (%)

Население	Распределение населения по классам и социальным группам						Всего
	Рабочие	Служащие	Колхозники	Кустари		Крестьяне-одиночники	
Кооперированные				Некооперированные			
БССР							
Городское	51,98	33,39	7,24	5,61	1,13	0,65	100
Сельское	12,85	6,92	71,24	0,64	0,50	7,85	100
Всего	21,89	13,04	56,44	1,79	0,65	6,19	100
Витебская область							
Городское	56,86	30,30	5,89	5,56	1,09	0,30	100
Сельское	14,53	7,45	72,36	0,62	0,54	4,50	100
Всего	25,40	13,32	55,29	1,89	0,68	3,42	100
Гомельская область							
Городское	53,75	33,32	6,26	5,10	0,94	0,63	100
Сельское	14,49	6,84	65,99	0,57	0,51	11,60	100
Всего	24,67	13,70	50,52	1,75	0,62	8,74	100
Могилевская область							
Городское	52,24	30,86	8,09	6,64	1,43	0,74	100
Сельское	11,25	6,36	73,21	0,45	0,55	8,18	100
Всего	19,76	11,45	59,68	1,74	0,74	6,63	100
Полесская область							
Городское	37,32	35,89	14,40	8,01	2,05	2,33	100
Сельское	11,20	6,70	70,66	0,66	0,48	10,30	100
Всего	13,65	9,44	65,38	1,35	0,63	9,55	100
Орловская область							
Городское	56,49	32,96	4,84	4,47	0,91	0,33	100
Сельское	12,18	6,08	76,95	0,72	0,53	3,54	100
Всего	20,57	11,17	63,30	1,43	0,60	2,93	100
Смоленская область							
Городское	53,95	35,19	4,59	5,13	0,77	0,37	100
Сельское	13,18	6,75	75,85	0,49	0,61	3,12	100
Всего	19,64	11,25	64,57	1,23	0,63	2,68	100
Житомирская область							
Городское	51,37	31,59	9,92	5,42	1,39	0,31	100
Сельское	15,33	7,25	75,54	0,57	0,34	0,97	100
Всего	21,84	11,65	63,69	1,44	0,53	0,85	100
Киевская область							
Городское	52,15	37,10	4,74	5,04	0,75	0,22	100
Сельское	15,04	6,75	75,18	0,90	0,38	1,75	100
Всего	27,78	17,17	51,00	2,32	0,50	1,23	100
Черниговская область							
Городское	43,82	30,13	15,91	8,17	1,35	0,62	100
Сельское	10,87	5,52	78,92	0,88	0,68	3,13	100
Всего	15,49	8,97	70,08	1,91	0,77	2,78	100

Конституция 1936 г. давала право на существование частных хозяйств. В ст. 9 было записано: «Наряду с социалистической системой хозяйства, являющейся господствующей

системой хозяйства в СССР, допускается законом мелкое частное хозяйство единоличных крестьян и кустарей, основанное на личном труде и исключаящее эксплуатацию чужого труда» [14, с. 730]. Это нашло отражение в Конституции БССР 1937 г. и др. республик. Этим правом воспользовалась определенная часть населения, и численность некооперированных кустарей увеличилась. Не было значительного увеличения кооперированных кустарей по сравнению с 1926 г. В 1939 г. в артелях и кооперативах трудилось 48,6 тыс. чел. Около половины из них работало в Витебской и Могилевской областях. Из таблицы 2 видно, что доля кустарей среди занятого городского населения БРУП в разы превышала аналогичный показатель среди сельского населения. Нами установлено, что абсолютное большинство кооперированных кустарей было занято в кожевенно-обувной, легкой и деревообрабатывающей отрасли промышленности. С машиностроением и металлообработкой было связано 5–16%. Заметная отличительная особенность выявлена среди некооперированных кустарей белорусских областей БРУП. Около половины из них была занята на транспорте и в связи (гужевые перевозки, погрузочно-упаковочные работы – 26,5%), строительстве – 17,1% и остальные в жилищно-коммунальном хозяйстве (парикмахерские, бани, прачечные) и др. В российских и украинских областях 58,0–68,0% некооперированных кустарей трудилось в неметаллообрабатывающих отраслях промышленности.

Произошли некоторые изменения в национальном составе кустарей. Среди кооперированных кустарей белорусских областей БРУП титульный этнос составил в 1939 г. 51,7%, а среди некооперированных – 60,7%. Более высокой была доля титульного этноса в составе кустарей в российских (соответственно 82–89% и 88–89%) и украинских (54–87% и 67–89%) областях [3; 5; 12; 16; 23; 28; 32]. На наш взгляд, роль и значение кустарной и местной промышленности не следует преувеличивать в производстве продукции и обеспечении товарами населения из-за низкого уровня квалификации кадров. Тогда становится понятным усиление внимания к кустарно-промышленной кооперации в стране и республиках в конце 1930-х годов со стороны высших партийно-советских органов. В целом в СССР и союзных республиках промкооперация была объединена с государственным сектором в начале 1960-х годов.

Принятая XVII съездом ВКП (б) установка на «ликвидацию капиталистических элементов и классов вообще, окончательную ликвидацию на основе полного завершения коллективизации крестьянских хозяйств и кооперирование всех кустарей, частной собственности на средства производства...» [1, с. 668–669] оказалась явным «забеганием вперед». В начале второй пятилетки стало очевидным, что единоличник вышел из подчинения партийно-хозяйственных руководителей на местах, которые посчитали, что процесс завершения коллективизации пойдет «самотеком». К лету 1934 г. четко проявилась дифференциация единоличников, наиболее активная часть которых демонстрировала свое преимущество перед колхозами. В первую группу (не менее 40–50%) были отнесены хозяева с усадьбой, полевым посевом и те, кто приобретал сложный сельхозинвентарь. Они выполняли сельхозналог. Вторую группу представляли единоличники без полевой земли, а приусадебные посеы использовали для потребительских нужд. Их представители занимались извозом, подсобными промыслами, отходничеством. Единоличники третьей группы практически не вели сельское хозяйство, а занимались приработками, спекуляцией и другой деятельностью [30, с. 129–130, 138]. На совещании 2 июля 1934 г. И.В. Сталин предложил не душить индивидуалов, а «в порядке экономических и финансовых мероприятий воспитывать, перевоспитывать... дать понять..., что им выгоднее быть в колхозе... или выгоднее совсем уйти в город на работу, чем заниматься индивидуальным хозяйством» [30, с. 191]. Речь шла о дифференцированном подходе к единоличникам. Во второй половине 1930-х годов из деревни «ушли» те единоличники, кто не «мог» или не хотел заниматься сельским хозяйством.

Новый примерный устав сельхозартелей, новая Конституция, меры по нормированию количества земли и скота в личном пользовании колхозников и единоличников, постановление СНК СССР и ЦК ВКП (б) от 8 сентября 1938 г. «О льготах престарелым колхозникам и единоличникам» существенно повлияли на половозрастной состав единоличников. Так, по нашим расчетам доля лиц в возрасте старше 55 лет женщины и старше 60 лет мужчины в со-

стае единоличников составляла в 1939 г. от 29,0–34,0% в белорусских и украинских областях, до 34,0–40,0% – в российских.

Однако экономические, финансовые, административные и репрессивные меры по отношению к единоличникам, сселение с хуторов ускорили процесс уменьшения их численности на Брянщине, Смоленщине, в украинских областях пограничья, где еще недавно их удельный вес был большим. Так, по данным декабря 1938 г. на Житомирщине было запланировано переселить в колхозцентры 13 806 хуторов, на Киевщине – 5 100, на Черниговщине – 1 384 хутора [15, с. 200].

Всесоюзная перепись 1939 г. показала, что крестьяне-единоличники, кооперированные и некооперированные кустари в социальной структуре общества занимали еще определенную долю в составе занятого населения. Это хорошо видно из таблицы 2 [4; 6; 11; 13; 17; 22; 24; 25; 27; 31]. Представленные в таблице расчеты позволили установить следующее. Показатели доли кустарей в составе населения белорусских, российских и украинских областей существенно не отличались. Сравнение численности крестьян-единоличников показало белорусскую специфику. В белорусской составляющей БРУП их доля среди занятого населения была в 2 раза выше, чем в российских и Черниговской областях и более чем в 3 раза превышала общесоюзный показатель, в 6 раз – общеукраинский, в 5 раз – по Киевской и в 7 раз – по Житомирской областям. Это вызвано значительной разницей в абсолютных показателях. Так, в белорусских областях пограничья общая численность единоличников была примерно такой же, как в российских и украинских областях вместе взятых. От 84,5% в Житомирской области до 99,5% в Орловской единоличниками являлись титульные этносы. Большая доля колхозников и кооперированных кустарей в городах Полесской и Черниговской областей свидетельствует о низком уровне развития здесь промышленности.

Во второй половине 1930-х годов принимались меры по вовлечению крестьян-единоличников в колхозы. Особенно это касалось БССР, где процент коллективизации и доля колхозников в составе занятого населения оставались еще ниже общесоюзных показателей. Для исправления создавшегося положения в 1937 г. СНК СССР и ЦК ВКП (б) приняли специальное постановление «О льготах для единоличников Белорусской ССР, которые вступают в колхозы». Предусмотренные льготы, недостаток пригодной земли для сельскохозяйственной деятельности (в 1939 г. 3 млн. га, или 24% общей территории, занимали болота) [2, с. 122], более медленное переселение крестьян с хуторов в колхозцентры по сравнению, например, с украинскими пограничными областями явились, на наш взгляд, сдерживающими факторами сокращения численности единоличников в белорусских областях пограничья. Их доля в составе всего занятого населения БРУП оставалась самой высокой, что хорошо видно из таблицы 2.

Основная цель – вовлечение абсолютного большинства единоличников в колхозы – была достигнута. В 1939 г. единоличники в абсолютном большинстве занимались сельским хозяйством, а не отходничеством, частным извозом, приработками и др. По нашим подсчетам, только 1,6–3,5% единоличников БРУП работало в промышленности, лесном хозяйстве, строительстве, на транспорте и в связи. В основном они выполняли транспортные и погрузочно-разгрузочные работы.

Несмотря на трудности становления и развития советской школы, ликвидации неграмотности у взрослого населения, большинство населения получили элементарную грамотность. По рассматриваемым группам эти данные сведены в таблицу 3 [6; 10; 11; 13; 17; 22; 24; 25; 27; 31]. Традиционный уклад жизни восточнославянского населения, которое в абсолютном большинстве проживало в сельской местности, разрушался медленно. Более урбанизированные этносы (евреи и др.) в рассматриваемый период еще более ускорили рост грамотности, повышение уровня образования и общей культуры. Созданная нами таблица/модель может считаться репрезентативной по отношению к национальной традиции. Ее данные указывают на специфику национальной ментальности, что, на наш взгляд, отражает сложившиеся стереотипы отношения разных этносов к грамотности и образованию, которые начали ломаться в конце 1930-х годов.

Таблица 3. Грамотность, кустарей, крестьян-единоличников и занятого населения (%)

Имеющие занятие	Мужчины		Женщины		
	Всего	% грамотных	Всего	% грамотных	% в занятости
Витебская область					
Кооперированные	7367	94,2	4619	90,4	38,5
Некооперированные	3478	78,8	847	70,2	19,6
Единоличники	8993	66,8	12 706	40,1	58,6
Всего занятых	347 775	89,1	285 615	66,8	45,1
Гомельская область					
Кооперированные	5120	95,6	2528	91,4	33,1
Некооперированные	2100	78,7	615	61,6	22,7
Единоличники	16005	70,3	22342	37,9	58,3
Всего занятых	241777	90,9	196281	64,7	44,8
Могилевская область					
Кооперированные	7 916	93,8	3 851	90,1	32,8
Некооперированные	4 225	76,8	749	67,3	15,6
Единоличники	18 541	66,9	26 347	32,6	58,8
Всего занятых	363 981	88,7	312 836	58,0	46,2
Полесская область					
Кооперированные	3 295	93,4	1 328	87,4	28,7
Некооперированные	1 751	73,0	400	73,0	18,6
Единоличники	14 104	61,8	18 621	29,0	56,9
Всего занятых	181 180	86,9	161 381	57,4	47,1
Орловская область					
Кооперированные	11 839	94,0	10 980	74,8	48,1
Некооперированные	7 601	80,2	2 019	61,4	21,0
Единоличники	16 808	72,6	29 856	36,0	64,0
Всего занятых	811 847	91,1	780 701	63,5	49,0
Смоленская область					
Кооперированные	9638	94,3	6267	89,6	39,4
Некооперированные	6702	78,2	1511	62,2	18,4
Единоличники	12650	68,9	22075	30,7	63,6
Всего занятых	633453	90,6	661007	62,0	51,1
Житомирская область					
Кооперированные	8 607	91,4	3 078	86,5	26,3
Некооперированные	3 230	73,5	1 039	68,0	24,3
Единоличники	2 276	63,4	4 609	34,4	66,9
Всего занятых	425 669	91,3	383 043	70,1	47,4
Киевская область					
Кооперированные	27 984	95,3	12 816	90,1	31,4
Некооперированные	6 906	83,8	2 020	75,3	22,6
Единоличники	7 137	69,3	14 496	33,9	67,0
Всего занятых	929 418	95,3	830 932	77,4	47,2
Черниговская область					
Кооперированные	11 184	96,2	5 835	89,3	34,3
Некооперированные	5 369	86,0	1 523	68,7	22,7
Единоличники	9 325	82,4	15 468	49,2	62,4
Всего занятых	451 341	94,2	441 308	73,7	49,4

Примечание: грамотность населения в возрасте 9 лет и старше.

Низкий уровень грамотности некооперированных кустарей и крестьян-единоличников (особенно женщин) значительно снизил этот показатель среди всего трудоспособного занятого населения БРУП.

Кооперированные кустари в абсолютном большинстве (90% из 48,5 тысяч) работали в промышленности. Несколько иной была сфера деятельности у некооперированных кустарей. Меньшая часть их была занята в строительстве и на транспорте. К работникам транспорта относились лица, занимавшиеся перевозкой грузов и частным извозом. Перепись 1939 г. установила, что 8 601 чел. (менее 50%) некооперированных кустарей БССР работало в промышленности, в строительстве – 3 347, на транспорте (перевозкой грузов и частным извозом) – 4 666 и жилищно-коммунальном хозяйстве – 623 человека [4, л. 13].

Из таблицы 3 видно, что в рассматриваемых областях среди кооперированных кустарей женщины составляли примерно 33–39%. Среди некооперированных кустарей их удельный вес был значительно ниже – в пределах 16–23%. Среди крестьян-единоличников в белорусских областях женщины составляли примерно 58%, что на 4–5% меньше, чем в Смоленской и Черниговской областях. Среди всего занятого населения в Гомельской и Могилевской областях женщин было 45–46%, а в соседних Смоленской и Черниговской – 49–51%. Женщины уступали по уровню грамотности мужчинам, и это заметно по крестьянкам-единоличницам. Более высокий уровень грамотности был у женщин Могилевской и Гомельской областей среди кооперированных кустарей. Значительно меньший удельный вес женщин среди некооперированных кустарей связан с тем, что здесь преобладали традиционно мужские профессии (фотографы, стекольщики, точильщики, каменщики, плотники, печники, жестянщики и др.).

Среди всех занятых (оба пола) удельный вес кустарей в Гомельской, Могилевской и Черниговской областях находился в пределах 2,4–2,7%, а в Смоленской области он составил 1,9%. Самый высокий удельный вес крестьян-единоличников характерен для Гомельской области – 8,8% и Могилевской – 6,6%. Этот показатель в 3–4 раза был ниже в Смоленской и Черниговской областях, он составлял здесь примерно 2,7%.

Сопоставление данных переписей позволило выявить в десятки раз превышение численности мужчин среди самостоятельных хозяев-земледельцев в 1926 г. В 1939 г. уже наоборот в 1,4–2 раза было больше женщин среди крестьян-единоличников. Это объясняется следующими факторами: большая доля женщин в составе всего сельского населения и, особенно, старших возрастов; более категоричная настроенность женщин против колхозов; массовый уход мужчин на промыслы, на учебу в города, на стройки и предприятия, где они пополняли ряды рабочих служащих (часть из них записывало хозяйство на жен), на службу в армию и др.

Важным фактором отношения власти к кустарям и единоличникам является оценка положения в обществе не только их, но и их детей. Да, имелись экономические ограничения, но к концу 1930-х годов они не были столь существенными и больше касались взрослого населения, а не детей. Для оценки благосостояния населения ООН использует так называемый индекс человеческого развития. Одним из трех показателей, имеющих равное значение для этого индекса, является образованность (грамотность взрослого населения и доля детей, обучающихся в школе) [21, с. XL]. Если родители-единоличники, прежде всего женщины, имели низкую грамотность по своей вине (Советская власть ликвидировала неграмотность даже принудительно), то дети единоличников и кустарей были охвачены школьным обучением выше, чем дети рабочих, служащих, колхозников, что особенно заметно в белорусских областях по таблице 4 [4; 6; 11; 13; 17; 22; 24; 25; 27; 31]. Более высокий охват детей школьным обучением той или иной категории населения связан с количеством детей в семьях. Так, доля детей 8–14 лет (наиболее массовый школьный возраст) в семьях колхозников, кустарей и единоличников была на 5–8% выше, чем у рабочих и служащих.

Важным достижением Советской власти следует признать факт практически полной ликвидации детского труда в возрасте 8–14 лет. По нашим примерным расчетам в БРУП в этом возрасте трудилось (учебой они не были охвачены) 0,1–0,5% детей рабочих, служащих, кооперированных и некооперированных кустарей, 1,0–1,5% колхозников и 1,8–2,2% детей единоличников.

Таблица 4. Количество школьников на 1000 населения по общественным группам (1939 г.)

Области	Все население	Рабочие	Служащие	Колхозники	Кооп. кустари	Некооп. кустари	Единоличники
Витебская	186	153	144	210	207	228	211
Гомельская	192	173	175	202	220	212	211
Могилевская	199	158	167	203	212	221	228
Полесская	181	158	154	167	227	212	193
Орловская	209	192	198	218	204	218	199
Смоленская	214	191	192	226	215	190	204
Житомирская	179	153	150	197	225	217	183
Киевская	162	147	149	181	188	185	167
Черниговская	173	167	176	180	200	191	187

По уровню грамотности крестьяне-единоличники и некооперированные кустари значительно (особенно женщины) уступали другим категориям населения. Разницы большой по этим показателям в БРУП не было. В белорусских, российских и украинских областях численность женщин-единоличниц была высокой. Это объясняется оттоком мужского населения в города и преобладанием женского населения в сельской местности. Самое большое количество единоличников в БССР находилось в Гомельской и Полесской областях, где болотистая и лесистая местность давала преимущество в ведении такого хозяйства.

Крестьяне-единоличники, игравшие определенную роль в экономической жизни страны, республик, региона, постепенно вытеснялись из своей сферы деятельности и переходили в колхозы или выбывали в другие отрасли хозяйства. Следует согласиться со справедливым замечанием в современной российской историографии о том, что единоличник был обложен государственными налогами, хлебозаготовками, «трудгужповинностью» и иными поборами как «медведь в берлоге». Для него все более очевидными становились преимущества колхозников, хотя они и становились все менее существенными [29, с. 126]. Большевистские лидеры, осуществив рецепцию марксизма к советской действительности, отводили крестьянству второстепенную роль в построении светлого будущего. Российский исследователь В.В. Кондрашин в подтверждение того, что в грандиозных планах большевиков даже колхозному крестьянству отводилась второстепенная роль, пишет следующее: «Один из самых близких соратников И.В. Сталина В.М. Молотов, полностью разделявший его политические взгляды, говоря о коммунизме как конечной цели социалистического строительства, не признавал равных условий при этом “самом справедливом строе” для города и деревни» [18, с. 228].

Существовавшая долгое время в советской историографии стратификация населения со второй половины 1930-х годов на два дружественных класса и трудовую интеллигенцию носила идеологизированный и политизированный характер и не отражала всю полноту социального облика населения. Он был намного богаче и разнообразнее. Утвердилось мнение о том, что крестьяне-единоличники и кустари представляли незначительную часть населения. Социальная структура конца 1930-х годов – это созданная большевиками и Советской властью социальная реальность, состоящая из рабочего класса, колхозного крестьянства и прослойки интеллигенции (по классификации того времени). Как считалось, они составляли основу/опору общества, а другие элементы социальной структуры (кустари и единоличники) практически не брались в расчет. Такой подход, на наш взгляд, не отражал полностью/целостность социального образования/реальности. Вместе с семьями кустарей и единоличников в БССР было около 0,5 млн. Однако преувеличивать их роль и значение в социально-экономической и культурной жизни общества, на наш взгляд, не следует.

Коллективистская психология большинства крестьян, еще недавних общинников, тянула их в колхозы. Престижность городской жизни и оплачиваемого труда на производстве тянули молодежь в города. Не следует забывать и об экономическом факторе: рабочие и крестьяне создавали материальные ценности, преумножали благо страны и свое, а некооперированные кустари и единоличники работали, главным образом, на себя. В результате исследо-

вания социальных трансформаций выделенных категорий населения можно сделать вывод о том, что начался процесс постарения единоличников, которые имели и самый низкий уровень грамотности. Такая «эволюция» единоличников вряд ли делала их труд престижным. Грамотная молодежь пополняла ряды рабочих, служащих, интеллигенции.

Есть основание считать, что белорусская модель экономического развития, составной частью которой является и современная модернизация сельского хозяйства, впервые начала давать реальные результаты. Преобладание государственного сегмента над частным в аграрном секторе, научно-обоснованная его модернизация, создание нормальных производственных и бытовых условий труженикам села, современных условий для обучения их детей впервые делает тяжелый сельский труд престижным.

В рассматриваемый период целью государственной экономической политики стали интенсификация и повышение качества труда. Это, прежде всего, касалось крестьянского труда, который для них являлся нормой жизни, но был лишен духовного содержания и осознавался как вынужденный и подневольный. Именно при Советской власти труд в официальной идеологии превратился в высшую ценность. Утверждение ценностного значения труда стало первой и едва ли не главной проблемой. Это осознано решалось большевиками в 1930-е годы. В этот период советское государство они стали именовать государством трудящихся. На наш взгляд, единоличник (а это большинство женщин с низким уровнем грамотности) с его рутинным экономическим мышлением, слабой предпринимательской инициативой не мог перестроить жизнь деревни в молодежную среду, в которую уже необратимо стали проникать идеалы городской культуры. В конце 1930-х годов Советская власть начала осуществлять сближение между городом и деревней через колхозы и совхозы.

Предметом самостоятельного исследования должно стать сравнение социокультурного уровня всех категорий трудящихся, что даст более полное представление об облике населения БССР, всего пограничья и СССР в межвоенный период. Необходим скрупулезный анализ социальных практик и стоящих за ними их социокультурных, ценностных и духовных мотиваций. Это позволит вникнуть в реальные исторические события исследуемого периода, вглубь исследуемого материала (отношение различных половозрастных групп города и села к экономическим, социальным и культурным событиям), т.е. социальных образований, в которых протекала жизнедеятельность населения.

Даже такой краткий анализ социокультурного уровня кустарей и крестьян-единоличников свидетельствует о том, что они по-прежнему занимали определенную социальную нишу в БРУП и вносили свой вклад в экономику и культуру региона. В конце 1930-х годов в белорусской составляющей БРУП доля крестьян-единоличников в составе занятого населения была сомой высокой не только в пограничье, но и в целом по СССР, т.к. абсолютная их численность оставалась значительной. Это объясняется, на наш взгляд, естественно-природными условиями и тем, что до 1939 г. в БССР переселение единоличников с хуторов было не столь форсированным. По уровню грамотности крестьяне-единоличники и неорганизованные кустари значительно (особенно женщины) уступали другим категориям населения, особенно в белорусском и украинском Полесье и на Смоленщине. Выявленные и введенные в научный оборот данные позволяют более адекватно видеть многогранность социокультурной ситуации в составе населения БССР и БРУП в конце 1930-х годов, когда складывались новые стереотипы отношения к труду, грамотности, образованию, общей и профессиональной и культуре.

Литература

1 XVII съезд ВКП (б). 26 янв. – 10 февр. 1934 г. // Стенограф. отчет. – М.: Партиздат, 1934. – 716 с.

2 XVIII съезд ВКП (б). 10–21 марта 1939 г. // Стенограф. отчет. – Л.: Госполитиздат, 1939. – 743 с.

3 БССР. Всесоюзная перепись населения 1939 года // Российский государственный архив экономики (РГАЭ). – Фонд 1562. – Оп. 336. – Д. 912.

- 4 БССР // РГАЭ. – Фонд 1562. – Оп. 336. – Д. 429.
- 5 Витебская область // РГАЭ. – Фонд 1562. – Оп. 336. – Д. 913.
- 6 Витебская область // РГАЭ. – Фонд 1562. – Оп. 336. – Д. 547.
- 7 Всесоюзная перепись населения 1926 г. Т. XIX. – М: ЦСУ СССР, 1929. – 657 с.
- 8 Всесоюзная перепись населения 1926 г. Т. XXVII. – М: ЦСУ СССР, 1928. – 156 с.
- 9 Всесоюзная перепись населения 1926 г. Т. XXVIII. – М: Планхозгиз, 1928. – 304 с.
- 10 Всесоюзная перепись населения 1939 года: основные итоги / под ред. Ю.А. Полякова. – М.: Наука, 1992. – 256 с.
- 11 Гомельская область // РГАЭ. – Фонд 1562. – Оп. 336. – Д. 548.
- 12 Житомирская область // РГАЭ. – Фонд 1562. – Оп. 336. – Д. 914.
- 13 Житомирская область // РГАЭ. – Фонд 1562. – Оп. 336. – Д. 530.
- 14 История Советской Конституции (в документах) 1917–1956 гг. / сост. А.А. Липатов [и др.]. – М.: Юридическая литература, 1957. – 1046 с.
- 15 Історія українського селянства. Нариси в 2 т. Т. 2. – К.: Наукова думка, 2006. – 654 с.
- 16 Киевская область // РГАЭ. – Фонд 1562. – Оп. 336. – Д. 914.
- 17 Киевская область // РГАЭ. – Фонд 1562. – Оп. 336. – Д. 533.
- 18 Кондрашин, В.В. Голод 1932–1933 годов: трагедия российской деревни / В.В. Кондрашин. – М.: РОССПЭН, 2008. – 519 с.
- 19 Материалы к пятилетнему перспективному плану народного хозяйства БССР на 1927–28–1931–32 гг. – Минск, 1927. – 403 с.
- 20 Менталитет и аграрное развитие России (XIX–XX вв.): материалы Междунар. конф. – М.: РОССПЭН, 1996. – 440 с.
- 21 Миронов, Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX): в 2 т. – Т. 1. – 3-е изд., испр., доп. – СПб.: Дмитрий Буланин, 2003. – XL, 548 с.
- 22 Могилевская область // РГАЭ. – Фонд 1562. – Оп. 336. – Д. 551.
- 23 Орловская область // РГАЭ. – Фонд 1562. – Оп. 336. – Д. 908.
- 24 Орловская область // РГАЭ. – Фонд 1562. – Оп. 336. – Д. 489.
- 25 Полесская область // РГАЭ. – Фонд 1562. – Оп. 336. – Д. 552.
- 26 Российско-белорусско-украинское пограничье: проблемы формирования единого социокультурного пространства – история и перспективы: материалы Международной науч.-практич. конф. – Брянск: ООО «Ладомир», 2008. – 295 с.
- 27 Смоленская область // РГАЭ. – Фонд 1562. – Оп. 336. – Д. 497.
- 28 Смоленская область // РГАЭ. – Фонд 1562. – Оп. 336. – Д. 908.
- 29 Сорокин, А.Н. Испытание будущим и уроки прошлого. Белорусская деревня: от Декрета до Кодекса о земле (1917–1990-е годы) / А.Н. Сорокин. – Минск: Право и экономика, 2008. – 428 с.
- 30 Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. Док. и мат. Т. 4. 1934–1936. – М.: РОССПЭН, 2002. – 1056 с.
- 31 Черниговская область // РГАЭ. – Фонд 1562. – Оп. 336. – Д. 545.
- 32 Черниговская область // РГАЭ. – Фонд 1562. – Оп. 336. – Д. 916.
- 33 УССР // РГАЭ. – Фонд 1562. – Оп. 336. – Д. 428.
- 34 Эканамічная геаграфія БССР. – Мінск: БАН, 1936. – 310 с.